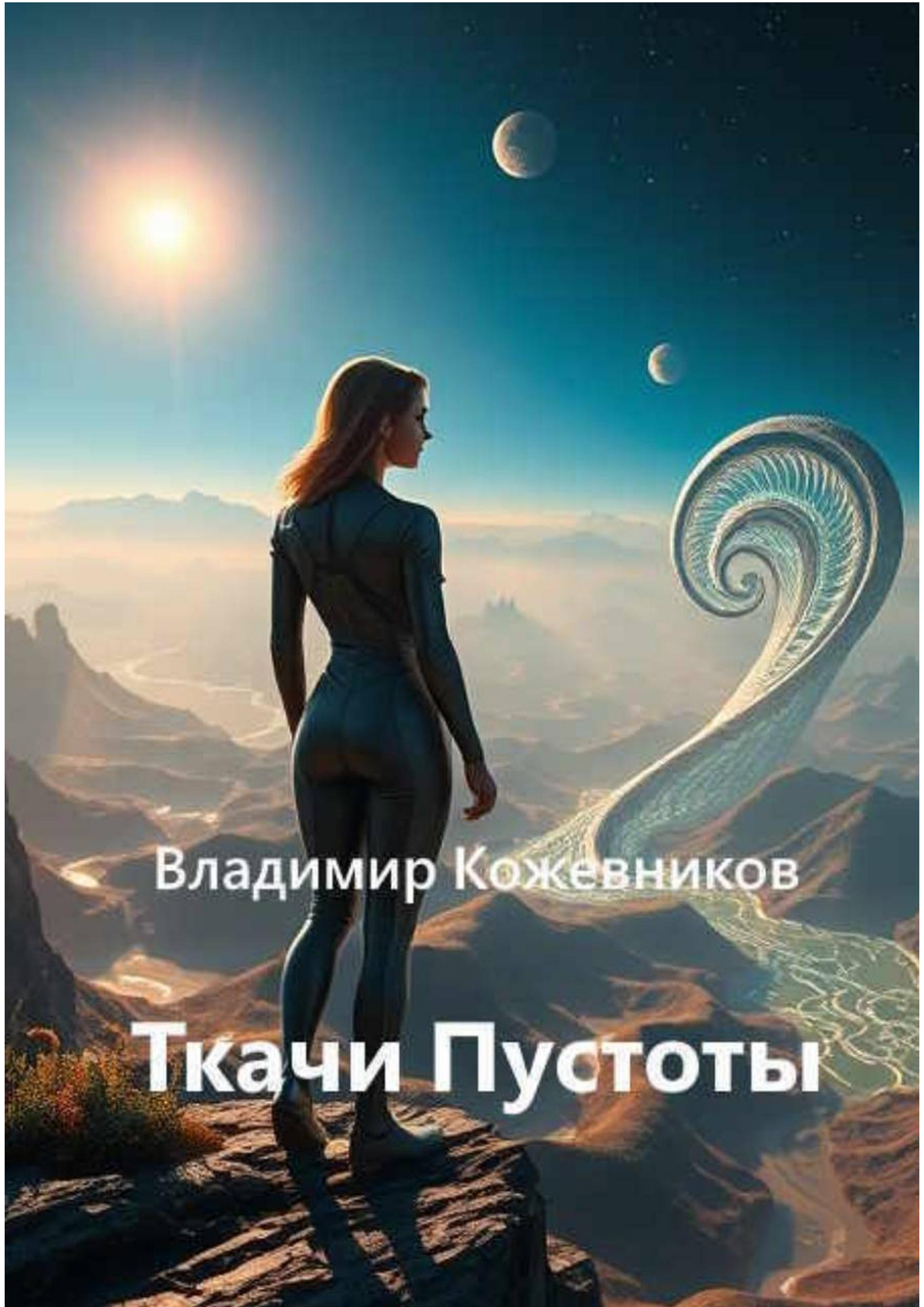

A woman with long blonde hair, wearing a sleek, dark, form-fitting futuristic suit, stands on a rocky cliff edge. She is looking out over a vast, surreal landscape. The sky is a deep blue with a bright sun or star in the upper left, casting a warm glow. Two small, cratered moons or planets are visible in the sky. The landscape below is a mix of rugged, brownish mountains and a large, glowing, ethereal wave that spirals upwards from the ground, resembling a giant, luminous shell or a massive, glowing wave. The overall atmosphere is one of wonder and exploration.

Владимир Кожевников

Ткачи Пустоты

Владимир Кожевников

Ткачи Пустоты

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Ткачи Пустоты / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Лиан — картограф-герменевт на станции «Меридиан», изучающей планету Унн, где разумные существа не имеют тел. Они существуют как устойчивые узоры в гравитационном поле — «ткачи», плетущие из приливных сил живые ковры-ландшафты. Люди видят лишь их следы: холмы, принимающие форму спиралей, реки, текущие против уклона. Лиан расшифровывает эти узоры как текст, но её карты — лишь бледные копии. Равновесие нарушается, когда станция получает сигнал бедствия от другой колонии — «Ткачи» начали расплетать её структуры, превращая людей в часть своего узора. Лиан понимает: ткачи не враждебны, они пытаются «прочитать» людей, но их метод — растворение. Чтобы спасти колонию, ей нужно вступить в контакт, но единственный способ — позволить себе быть прочитанной. Она должна стать узором.

Содержание

Глава 1. Реки, текущие вверх	6
Глава 2. Калька	8
Глава 3. Ритм	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кожевников

Ткачи Пустоты

Посвящается тем, кто умеет слушать тишину.

Глава 1. Реки, текущие вверх

Лиан проснулась от того, что вода в кране пахла металлом.

Это было первое, что она замечала каждое утро на «Меридиане»: вода пахла не водой, а фильтрами, которые давно следовало заменить. Потом она замечала звук — низкий гул вентиляции, который днём сливался с разговорами, а ночью становился похож на дыхание. И только потом — свет. Купол над станцией днём был стеклянным, ночью — чёрным, как зрачок, и на рассвете он медленно розовел, будто кто-то изнутри подносил к нему лампу.

Лиан встала, оделась и пошла на смотровую площадку. Это была привычка. Семь лет она приходила сюда каждое утро, и семь лет внизу, в дрожащем мареве, поворачивался спиральный холм. Логарифмическая кривая, закрученная влево, три перемычки у основания, ровный наклон. Структура 7-б. Устойчивая. Период — четырнадцать суток.

Она достала планшет. Карта была безупречна: тридцать девять структур, координаты, периоды, классификации. Всё правильно.

И всё — калька.

Лиан закрыла глаза. Она делала так всегда, когда слова заканчивались. Ткачи не имели голоса — у них был ритм, и ритм этот шёл не через слух, а через всё тело сразу. Медленный, как прилив. Глубокий, как тектоника. Он поднимался от пола через подошвы, через кости, через зубы, и, если стоять очень тихо, можно было почувствовать, как он меняется. Как в нём появляется новая нота. Как холм — не просто холм, а фраза — начинает говорить другое.

Её пульс сбился. Она непроизвольно качнулась — влево, потом вправо, — и поймала себя на этом движении.

Сегодня нота была не та.

Она открыла глаза. Кривая сместилась. Немного — на пару градусов, — но сместилась. Впервые за семь лет. Структура 7-б не была устойчивой. Структура 7-б отвечала.

— Ты чувствуешь, — сказал голос за спиной.

Это был не вопрос.

Кесслер стоял в дверях. Он всегда появлялся так — тихо, будто стена его выпускала. Сгорбленный старик с руками, которые когда-то держали образцы с трёх планет, а теперь дрожали так мелко, что он прятал их в карманах.

— Чувствую, — сказала Лиан. — Они волнуются.

— Они не умеют волноваться.

— Умеют. Просто у них это называется иначе.

Кесслер подошёл. Он долго смотрел на холм, потом сказал:

— Колония «Восход» молчит двадцать один день. Последняя передача — координаты и одна фраза. «Они читают нас».

Лиан не отрывала глаз от холма.

— Читают — или плетут?

— Что?

— Если они читают, — сказала Лиан, — они пытаются понять. Если плетут — они уже поняли. И им не понравилось.

Кесслер молчал. Вентиляция гудела. Где-то далеко, в северном крыле, закрылась дверь.

— Командование хочет поставить над северным сектором силовое поле, — сказал он наконец. — Оно их разорвёт.

— Оно их убьёт.

— Их нельзя убить. Они не живые.

— Тогда почему у тебя дрожат руки?

Кесслер посмотрел на свои ладони. Потом убрал их в карманы. Потом сказал:

— Потому что я уже видел, как это делают. Двадцать лет назад. На Ксе. Мы поставили поле. Узор распался. И осталось — ничего. Пустота. И тишина. Мы до сих пор не знаем, было ли это милосердием или мы просто заткнули рот тому, кто пытался нам что-то сказать.

Он повернулся и пошёл к выходу. У двери остановился.

— Ты хочешь с ними поговорить, — сказал он, не оборачиваясь. — Я знаю. Ты хочешь этого с тех пор, как приехала. Только вот что, Лиан. Чтобы с ними поговорить, тебе придётся перестать быть собой. Ты готова?

Лиан не ответила. Она смотрела на холм. Холм поворачивался — медленно, тяжело, как поворачивается мысль, которую произносят впервые.

И она знала: это был вопрос.

Глава 2. Калька

Лиан провела всю ночь, разбирая архив «Восхода».

Записи были скудные: двадцать один день ровного шума, потом — всплеск, потом — обрыв. Последние двенадцать часов она прокручивала снова и снова, пока шум не начал распадаться на слова. «Они рядом». «Они везде». «Я не помню своего имени».

Последняя фраза принадлежала женщине. Голос был молодой, испуганный — и в то же время странно спокойный. Как будто говорившая уже приняла что-то, чего ещё не понимала.

Лиан откинулась в кресле. Узкая полоса бронестекла над пультом светлела: Унн поворачивался к солнцу, и его поверхность — серая, как остывший пепел, — становилась медной. Реки, текущие против уклона, блестели, как проволока. Красиво. И пусто.

Она снова включила запись.

«Я не помню своего имени». И потом — почти неслышно, на грани шума — что-то ещё. Лиан прибавила громкость. Звук был похож на дыхание. На шорох. Нет. На ритм. Такой же, как у ткачей, но быстрее. Гораздо быстрее. Как будто кто-то пытался говорить шёпотом, но не умел.

— Ты слышишь это? — спросила она.

Кесслер сидел в углу лаборатории. Он не спал — он редко спал в последние годы. Он смотрел на неё так, как смотрят на человека, который вот-вот скажет что-то важное.

— Слышу, — сказал он. — Это они.

— Они пытаются говорить голосом?

— Нет. Они пытаются говорить через голос. Через тот, который был у неё. Они не умеют иначе. Они берут то, что есть, и перестраивают.

Лиан почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Они её... использовали?

Кесслер долго молчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Может быть. Я знаю только, что они не умеют читать, не оставляя следов. Когда читаешь чужую память, ты невольно начинаешь её писать заново. Они вплели её в узор — или она сама вплелась. Разница невелика.

Лиан снова посмотрела на данные. Тридцать девять структур — тридцать девять узоров, и где-то среди них «Восход». Тридцать девять попыток контакта. Или тридцать девять могил.

— Мы должны остановить командование, — сказала она.

— Мы не можем, — сказал Кесслер. — Командование не думает, оно реагирует. Колония молчит — надо применить силу. Это не жестокость, это рефлекс.

— Тогда мы должны успеть раньше.

— Успеть что?

Лиан встала. Она подошла к стене, где висела карта Унна — огромная, рукописная, сделанная ещё первыми колонистами. Карта была почти пустой: контуры материков, несколько точек. Но под ней, на прозрачной плёнке, Лиан видела другое. Она видела ритм — как ткачи плетут свой ковёр от полюса к полюсу, — и как в этом ковре появляются дыры. Тридцать девять дыр.

— Мы должны сделать карту, — сказала она. — Не кальку. Карту.

— Карту чего?

— Пустоты, — сказала Лиан. — Пространства, где мы можем встретиться. Где они не будут нас поглощать, а мы не будем их разрывать. Место, где можно говорить.

Кесслер долго молчал. Потом сказал:

— Такого места нет.

— Пока нет.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошёл лейтенант Ортега — молодой, с гладко выбритым лицом и глазами, которые никогда не моргали. Он служил в подразделении, которое на станции называли «сапёрами Пустоты» — те, кто готовил силовые поля.

— Картограф, — сказал он. — Командор Хеллстром просит вас на мостик. Немедленно.
— Что-то случилось?

Ортега посмотрел на неё. Потом на Кесслера. Потом сказал:

— Северный сектор. Узор начал двигаться к нам. Медленно. Может быть, шестьсот метров в час.

Он замолчал. Лиан ждала.

— И он не один, — сказал Ортега. — Их двенадцать.

Лиан посмотрела на карту. На плёнку. На дыры. Двенадцать узоров, и все они ползли к «Меридиану».

— Ведите, — сказала она.

Мостик «Меридиана» был круглым, как глаз. Командор Хеллстром стоял в центре, и вокруг него висели голограммы: северный сектор, двенадцать узоров, траектории. Хеллстром был высок, сед, с лицом, которое когда-то, вероятно, умело улыбаться. Теперь оно не умело.

— Картограф, — сказал он, не оборачиваясь. — Объясните мне, что это.

Лиан подошла к голограммам. Двенадцать узоров — двенадцать спиралей, медленно ползущих по поверхности. Они двигались не по прямой, а зигзагом, как будто пробовали дорогу. Как будто искали.

— Они идут к нам, — сказала она. — Но не для того, чтобы напасть.

— Тогда зачем?

— Они хотят прочесть станцию. Как прочитали «Восход».

Хеллстром наконец обернулся. У него были глаза человека, который давно перестал верить в чудеса — и в людей.

— И что будет, если они нас прочитают?

— Я не знаю, — сказала Лиан. — Но я знаю, что будет, если вы примените поле. Они исчезнут. И мы никогда не узнаем, что они хотели сказать.

— А если мы не применим? — Хеллстром шагнул к ней. — Если они дойдут? Что тогда? Мы станем узором? Мы растворимся? Вы этого хотите?

— Я хочу поговорить с ними.

— Поговорить, — повторил Хеллстром. — С узором. С гравитационной аномалией. Поговорить.

Он подошёл к пульту. На пульте была кнопка — большая, красная, под прозрачным колпаком. Лиан видела такие кнопки только на снимках. Она не думала, что они ещё существуют.

— У нас есть протокол, — сказал Хеллстром. — Если аномалия приближается к станции на расстояние двадцати километров, мы применяем поле. Это не жестокость. Это рефлекс. И это — единственное, что стоит между нами и пустотой.

— Тогда дайте мне время, — сказала Лиан. — Двадцать километров. Это сколько? Двое суток?

— Тридцать два часа.

— Дайте мне тридцать два часа.

Хеллстром смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Двадцать четыре. И если вы ничего не сделаете, я нажму кнопку. И тогда, картограф, вы будете объяснять мне, почему я убил двенадцать узоров. А я буду объяснять вам, почему я спас станцию.

Он отвернулся.

— Идите. У вас двадцать четыре часа.

Лиан вышла. За дверью её ждал Кесслер.

— Ну? — сказал он.

— Двадцать четыре часа, — сказала Лиан. — Нам нужно сделать карту пустоты.

— У нас нет технологии.

— У нас есть я.

Кесслер посмотрел на неё. Потом сказал:

— Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю.

— Ты можешь не вернуться.

— Могу.

Кесслер долго молчал. Потом сказал:

— Тогда идём. У нас двадцать четыре часа. И я знаю, с чего начать.

Глава 3. Ритм

Лаборатория Кесслера находилась в самом низу станции — там, где стены были толще, а воздух пах сыростью и старым железом. Лиан спускалась туда впервые за семь лет.

Комната была похожа на извилину мозга: тесная, тёмная, забитая бумагой и приборами. Бумажные карты свисали со стен, как паутина. Образцы пород в стеклянных банках стояли рядами на полках — серые, бурые, чёрные, — и в каждой банке было что-то, что Кесслер когда-то считал важным. Старые терминалы громоздились в углу, мёртвые, с погасшими экранами. Он выключил их двадцать лет назад.

В центре комнаты стоял резонатор — прибор размером с человеческую голову, покрытый пылью. Кесслер сдул пыль рукавом.

— Это старый гравиметрический резонатор, — сказал он. — Мы использовали его на Ксе. Он улавливает ритм и переводит его в звук. Так мы поняли, что ткачи говорят.

— Они говорят ритмом, — сказала Лиан.

— Да. Но не только. Они говорят изменением ритма. Каждый узор — это фраза. Каждое движение — слово. Но у них нет пауз. Всё сливается в один поток.

Лиан посмотрела на резонатор.

— И как мы это переведём?

— Никак, — сказал Кесслер. — Мы не можем перевести. Мы можем только войти в ритм. Стать его частью.

— Как?

Кесслер подошёл к столу. На столе лежала плёнка — та самая, с картой Унна. Он разложил её и показал пальцем на пустое место между узорами.

— Вот здесь. Здесь нет узора. Здесь пустота. Но это не мёртвая пустота. Это пространство, где ритм ещё не родился. Если мы поместим туда человека — или хотя бы его сознание, — ткачи почувствуют это. Они попробуют прочесть. И если человек будет готов, он сможет прочесть их в ответ.

— Это опасно?

Кесслер не ответил сразу. Он смотрел на резонатор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.